

Конец Юго-Западного фронта

Воспоминания генерал-лейтенанта П.С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг.

Колоссальные по своему объему (около 5,5 млн знаков) неопубликованные воспоминания генерал-лейтенанта Петра Семеновича Махрова (1876–1964) представляют собой ценный исторический источник, прежде всего о событиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России¹. Один из ключевых фрагментов воспоминаний посвящен развалу старой русской армии и возникновению независимого украинского государства. П.С. Махров был очевидцем этих событий и оставил подробное описание жизни на Украине в 1918–1919 гг. Эта часть воспоминаний носит название «Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г.». Написаны они в марте – ноябре 1953 г., чем объясняются фактические неточности и ошибки в тексте.

П.С. Махров родился в Тамбове, в семье мещан. Окончил Минскую гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище и Академию Генштаба. Принял участие в Русско-японской войне, прервав по этой причине учебу в академии и отправившись добровольцем на Дальний Восток. В ходе войны он отличился и за боевые отличия был награжден аннинским оружием (орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»). Из-за войны академию Махров окончил только в 1907 г. В дальнейшем служил в штабе Виленского военного округа (1909–1912) и в Севастополе, в годы Первой мировой войны в основном – в штабе 8-й армии генерала А.А. Брусилова, за храбрость удостоился Георгиевского оружия. Осенью 1917 г. Махров был произведен в генерал-майоры, с октября исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта.

Обстановка на фронте в конце 1917 г. была крайне сложной в связи с переплетением здесь интересов различных политических сил². Шел процесс украинизации войск фронта путем создания армейских Рад и фронтовой Рады, параллельно большевики и их союзники формировали сеть Военно-революционных комитетов (ВРК) в корпусах и армиях, а также фронтовой ВРК, солдаты из великорусских губерний стремились вернуться домой, ряд офицеров штаба фронта были настроены антибольшевистски и антиукраински. За контроль над штабом фронта боролись ВРК и представители украинской Центральной Рады, стремившиеся сосредоточить на фронте украинизированные части, для чего содействовала отправка по домам тех войск, которые украинизироваться не собирались, в частности, казачьих дивизий, отправлявшихся на Дон. Попытки временно исполняющего должность главнокомандующего армиями фронта генерала Н.Н. Стогова сгладить конфликт с украинцами результата не дали. Украинские власти рассчитыва-

¹ См.: Ганин А.В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 144–156. Из этих мемуаров до сих пор опубликован лишь фрагмент о службе Махрова у белых, а также небольшой отрывок о событиях в Киеве в конце 1918 г.: Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994; Ганин А.В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119.

² Подробнее см.: Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 86–101; Ковальчук М. Битва двох революцій: Перша війна Української Народної Республіки з Радянської Росією. 1917–1918 рр. Київ, 2015. Т. 1. С. 164–173, 279–283.

ли разоружить войска без борьбы, однако реализовать этот замысел в полной мере не удалось в связи с сопротивлением большевиков, происходили, в том числе боевые столкновения. Конфронтация дезорганизовала железнодорожное сообщение, в результате чего на фронте начался голод.

В публикуемом отрывке о развале Юго-Западного фронта под условным названием «Конец Юго-Западного фронта» интересны не только события, связанные с борьбой за армию. Не менее значимо детальное изложение выбора старших офицеров, мотивов принятия ими тех или иных решений, повлиявших на всю их последующую жизнь. Мемуарист не концентрируется непосредственно на офицерстве. Через призму своего восприятия он описывает поведение широкого круга лиц – родных и близких офицеров, действия солдат, деятельность политиков. Все это создает панорамную картину происходившего развала Юго-Западного фронта, предопределившего дальнейшие события на Украине.

Кроме того, воспоминания Махрова расширяют общее представление о происходившем, поскольку содержат пересечения с другими свидетельствами современников, в том числе вводимыми в научный оборот в последнее время. Например, с воспоминаниями генералов Е.З. Барсукова и С.М. Трухачева³. Трухачев, в частности, описал встречу с Махровым 3 ноября 1917 г., а также рассказал о дальнейших встречах и взглядах Махрова⁴. Из его воспоминаний следует, что Махров помог ему как товарищу по службе Генерального штаба, в том числе предупредил об опасности расправы при поездке из Бердичева в Могилев.

Написаны мемуары носителем офицерской психологии, патриотом и сторонником единства России, не принимавшим идеологии украинства⁵. Однако в новых условиях приходилось идти на компромиссы. Не избежал их и Махров, который при гетманской власти в жил в Полтаве и устроился на службу помощником руководителя Хлеб-бюро в Полтавской губернии – организации, занимавшейся поставкой зерна немцам, оккупировавшим Украину. После падения режима гетмана П.П. Скоропадского Махров в начале 1919 г. покинул Полтаву. Связано это было с наступлением советских войск на Левобережную Украину. Через Киев он уехал в Одессу, позже оказался в войсках генерала А.И. Деникина. У белых дослужился до высокого поста начальника штаба Вооруженных сил на Юге России и был произведен в генерал-лейтенанты.

Семья Махровых дала русской армии трех братьев, ставших офицерами Генерального штаба. Гражданская война разделила их линиями фронтов: Петр был самым старшим, средний брат, Николай, подался в Красную армию, а младший, Василий, последовал выбору Петра и оказался у белых.

В 1920–1924 гг. Махров по поручению генерала П.Н. Врангеля находился в Польше, в том числе как представитель командования Русской армии, после этого переехал во Францию – сначала в Париж, затем в Канны. В эмиграции зарабатывал на жизнь, давая уроки английского и русского языка.

23 июня 1941 г., на следующий день после начала Великой Отечественной войны, Махров обратился к советскому полпреду во Франции с просьбой зачислить его в ряды Красной армии: «Господин полпред! Долг солдата меня обязывает защищать мою Родину вместе с русским народом. Я прошу Вас ходатайствовать пред советским правитель-

³ См.: Барсуков Е.З. Мое военное прошлое. Воспоминания. 1866–1954. Смоленск, 2018; Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / Сост. Н.А. Кузнецов, Д.А. Тимохина. М., 2018. С. 37–192.

⁴ Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода. С. 80–81, 83–84.

⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова.

ством о разрешении мне возвратиться в Россию и о зачислении меня в ряды Красной армии. Уважающий Вас П. Махров (генерал-лейтенант Генерального штаба)»⁶. Письмо попало к коллаборационистским властям Франции и его автор около полугода провел в концлагере. Умер он в 1964 г. в Каннах.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. Неточности исправлены в комментариях. Все относящиеся к истории России даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.В. ГАНИН.

П.С. Махров

Разъезд чинов главного командования Юго-Западного фронта и офицерства

После издания украинской Радой 14 января 1918 года 4-го Универсала¹, по которому Юго-Западный фронт входит в полное подчинение украинского правительства, генерал Стогов², я и полковник Петин³, будучи великороссами, не сочли возможным продолжать службу под украинским командованием. Наше мнение разделяли все без исключения офицеры-великороссы штаба Юго-Западного фронта.

14-го же января ген[ерал] Стогов отдал об этом свой приказ армиям фронта и в тот же день уехал в Киев. Там, переодевшись в штатское платье, сбрил свою «православную» бороду, одел темные очки, при содействии добрых людей уехал в Москву.

На основании 112 статьи Положения о полевом управлении войск я вступил в командование войсками Юго-Западного фронта, предварительно получив от ген[ерала] Стогова отпускной билет по болезни, помеченный 13 янв[аря]. 16-го янв[аря] я отдал приказ о моем отъезде в отпуск. Фактически я никуда не уехал.

Я мог уехать только в Полтаву к родным моей жены, где жила моя маленькая дочь и где была моя база. Но в это время Полтава была занята большевиками, вдоль железной дороги Полтава – Киев шли бои между большевиками и украинцами, а мост у Киева был разрушен. Со мной в Бердичеве жила моя жена, которая своевременно не смогла уехать к себе в Полтаву.

Мы продолжали жить на нашей квартире у помещика Райченко, пользуясь его радушным гостеприимством, ожидая у моря погоды. Генерал-квартирмейстер, полковник Петин, получив от меня отпускной билет, как и мы, продолжал вынужденно пребывать в Бердичеве.

Главнокомандующий украинским фронтом отаман Кудря

16-го янв[аря], в день моего оставления должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом, собралась украинская фронтовая рада и выбрала глав-

⁶ Махров П.С. Белая эмиграция в период 2-й мировой войны // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, BAR). P.S. Makhrov Collection. Box 6. Тетрадь № 2. С. 113.

нокомандующим Украинским фронтом пограничной стражи штаб[с]-ротмистра Кудрю⁴, украинца по происхождению. Это был украинский Крыленко⁵, но только неизмеримо глупее его, авантюрист, превосходивший Крыленко своей несерьезностью, но довольно добродушный кадровый офицер лет 32, сохранивший воспитание, данное ему русской военной школой.

Около 12 часов 16-го января он пришел в мой кабинет штаба вместе с комиссаром Певным⁶. Оба они были, что называется, в телячьем восторге: взволнованные, с сияющими лицами, как будто совершилось что-то чрезвычайно великое, важное и хорошее. Любезно поздоровавшись со мной, новый «головный отаман»^а фронта обратился ко мне с просьбой, чтобы я не покидал фронта и занял у него должность начальника штаба.

Я поблагодарил его, не скрою, с лицемерной куртуазией пожелал ему успеха и, конечно, отказался от «столь лестного для меня предложения», но просил его оставить в моем распоряжении мой автомобиль для моего отъезда в Киев, на что он с удовольствием дал свое согласие, а комиссар Певный обещал, что об этом немедленно будет сделано распоряжение. Далее они оба просили меня указать офицера Генерального штаба, который мог быть занять должность начальника штаба у Кудри. В это время в Бердичеве находился Генерального штаба полковник Николай Александрович Капустянский⁷, украинец по происхождению. Я его знал еще с 1907 года строевым офицером 105-го Оренбургского полка, где я в это время командовал для ценза 3-й ротой. Он был симпатичный офицер, маленький, худенький, шустрый, всегда веселый, распевавший украинские песни и балагуривший без конца. Он окончил духовую семинарию⁸ и был с довольно большим кругозором в области философии. Я ему посоветовал поступить в Академию Генерального штаба, что он и выполнил в 1909 году. Из него вышел хороший офицер Генерального штаба. По своим убеждениям он был федералист. Я подумал, что лучше его никого не придумаешь и предложил Кудре и Певному Капустянского. Они с радостью ухватились за эту мысль и отправились, чтобы вызвать его к себе для переговоров.

А я ушел в штаб повидаться с офицерами и закончить ликвидацию моих штабных дел, подписывая предыдущими числами всевозможные бумаги, отпускные билеты и распоряжения о выдаче денег офицерам штаба, покидавшим фронт. Там же я подписал приказ о назначении Генер[ального] штаба подполковника Павла Евстигнеевича Дормана⁹ начальником штаба Чехословацкой дивизии, стоявшей в Житомире. Это была единственная войсковая часть на всем фронте, сохранившая полный порядок и дисциплину. Русские офицеры, служившие в ней, были самыми счастливыми в смысле спокойствия и безопасности. Дивизией командовал серьезный, умный генерал и хороший человек Генер[ального] штаба генерал Коломенский¹⁰. Лучшего положения для Дормана, которого я ценил, уважал и любил, нельзя было придумать. Только вечером, усталый, я возвратился к себе домой, в квартиру Райченко, где с беспокойством меня ждала жена уже не к обеду, а к ужину.

^а Главный атаман, главнокомандующий (укр.).

Прощание с боевым другом

Когда мы встали из-за стола и отправились в свои комнаты, у дверей наших мы увидели моих ординарцев Вакуленко и Молостова. «Так что, ваше превосходительство, мы к вам, дело есть», – начал Вакуленко.

Я пригласил их войти к нам в комнату, где Вакуленко продолжил: «Так что пришел конец, надо Машку продавать, вот уже две недели я с Молостовым на конюшне спим, эти сволочи большевики давно на нас нацелили, я вам не сказывал, два раза хотели украсть, а тут подвернулся чех-колбасник; как увидел вашу кобылицу, глаза загорелись; продай да продай, 200 рублей царскими дает, а хотите 100 золотом. Цена хорошая, ваше превосходительство, надо продавать».

Я согласился. На другой день утром мы с женой вошли в конюшню. Увидев нас, Машка, которую мы баловали часто сахаром, заржала. Стыдно сказать, но у меня навернулись слезы на глазах. Я подошел к моему другу Машке, носившей меня на своей спине от австрийской границы у Проскурова до Кросно и от Вышковского перевала в Карпатах до Тарнова, похлопал ее по гнедой красивой шее и, положив на ладонь кусок сахара, протянул ей. Она мягкими влажными теплыми губами взяла его и стала жевать. Съела и опять заржала, жена протянула ей другой кусок сахара...^а. Наконец, я не выдержал и, поцеловав лошадь меж глаз, ушел. В конюшне стоял очень симпатичный чех. Его, видимо, тронула эта сцена прощания, и он мне обещал, что Машка у него не будет в обиде...

Я не мог присутствовать на дворе, когда новый хозяин готовился увести мою Машку и ушел к себе. В тот же день, узнав, что я продал мою лошадь, ко мне пришел французской военной миссии полковник Парис (Paris)¹¹ с просьбой продать ему мое хорошее, почти новое Вальтеркоховское кавалерийское седло, за которое в Петрограде я заплатил около трехсот рублей золотом. Он торговался со мной, как жид, предлагая мне сто рублей керенками. Наконец, я ему уступил за 150 рубл[ей] царскими деньгами. Расплачиваясь со мной, он сказал, что у него при себе есть только сто рублей, а остальные он вскоре мне принесет и приносит до сего времени, когда я пишу эти строки... Впрочем, это был один из наших союзников, которых мы спасли на Марне¹². Пусть будет ему мое русское седло на память о «bonne affaire»^б, милое сердцу всякого француза.

Подготовка к отъезду из Бердичева. Заботы Генерального штаба полковника Махина

Итак, вдруг я оказался без всякого дела, без всяких обязанностей. Эта обстановка для меня столь нова, что я наслаждался бы отдыхом, свободой и независимостью, если бы меня не угнетала мысль, что я не предусмотрел момента для своевременной отправки из Бердичева в Полтаву моей жены. Теперь меня не покидала дума, как бы ее устроить возможно безопаснее.

Я постоянно был в контакте с Генерального штаба подполковником Махиным¹³, который был начальником службы связи в штабе фронта и находился в дружеской близости с комиссарами, комитетами и вообще с революционным элементом. Он меня постоянно держал в курсе дела и обещал, как наступит критиче-

^а Здесь и далее так в тексте.

^б Выгодная сделка (франц.).

ский момент, не только предупредить меня, но заехать за мной, чтобы вывезти из Бердичева меня с женой.

Еще в первой половине января он как-то зашел ко мне и просил меня сделать распоряжение дежурному генералу о выдаче Махину определенной суммы денег для оплаты добавочным жалованьем шоферов и других чинов его отделения. Когда я прочел его доклад, он мне показался вполне логичным, но отпуск таких денег не был предусмотрен законом. Я это ему заметил, на что он, улыбаясь, ответил: «Но это нужно по моменту дня». Я понял, что в это подлое время ему нужно было сохранить за собой расположение шоферов, которые и без того ему верно служили. «Если так, – ответил я, – то суди меня Бог и военная коллегия» и подписал бумагу. Это было сделано, говоря на тогдашнем жаргоне, «по революционной со- вести...».

Махина я хорошо знал. Он был одним из моих подчиненных в штабе 8-й армии Брусилова¹⁴ в 1914–15 [гг.], где я его познал, как выдающегося офицера Генерального штаба, неутомимого работника, точного и исполнительного, человека с большой инициативой, со страшной силой воли и безумной отваги. К тому же Федор Евдокимович был очень хороший товарищ, человек благородной честной души. Мы с ним подружились, и я чувствовал, что в его лице я имею верного, преданного мне друга.

Биография Федора Евдокимовича полковника Махина была не из заурядных. Он был сын каторжника и родился где-то в местах отдаленных Сибири¹⁵. Его отец до ссылки был урядник оренбургского казачества и кавалер всех четырех степеней Георгиевского креста¹⁶. Эти награды он получил за бои при взятии крепости Геок-Тепе в 1881 г.¹⁷, и ген[ерал] Скобелев¹⁸ назначил его своим ординарцем.

Возвращаясь после войны в Оренбург, на одной из почтовых станций ему сделал офицер какое-то замечание. Урядник Евдоким Махин, будучи навеселе, ударил офицера по лицу. За это по суду он был лишен воинского звания, орденов и сослан в Сибирь на каторгу. За ним последовала и его жена с двумя мальчиками. В пути один из них умер. Другой выжил. А на каторге Бог им послал сына Федора.

Через десять лет отец Махина за отличное поведение был переведен на поселение в район Иркутска, а в 1905 г. в день рождения наследника цесаревича Государь Император повелел восстановить Евдокима Махина в прежних правах и возвратиться в Оренбург¹⁹. Вся семья Махиных были старообрядцы. До 14-летнего возраста полковник Махин познал грамоту от своего отца по Псалтыри на древнеславянском языке и знал Псалтырь наизусть.

Он часто, видя несправедливость высшего начальства, особенно из аристократов, цитировал мне: «Не надейтесь на князя, на сыны человеческие – в них бо несть спасения». Только в Оренбурге 14-летним мальчиком он взялся сам за учебу и чрез 4 года выдержал экзамен для поступления в Оренбургское казачье училище, откуда и был выпущен в офицеры. В 1911 году²⁰ он окончил Академию Генерального штаба и был причислен к Генеральному штабу.

Во время войны он попал в штаб 8-й армии ко мне в оперативное отделение, будучи в чине подьесаула и с тех пор судьбе угодно было нам служить вместе до конца войны. По внешности он был типичный казак-оренбуржец. Выше среднего роста с рыжеватой бородой на круглом свежем красном лице. Он был грузный и

полный, обладал могучей физической силой. Несмотря на свою полноту, Махин был очень подвижен и слыл замечательным наездником.

В дружеской беседе со мной он как-то рассказал мне, что коренным образом изменило в нем чувство монархиста и вызвало потребность к размышлению о политике, к исканию правды.

В 1905 году он со своей сотней был вызван для усмирения крестьян, которые жгли усадьбы и грабили помещиков в районе средней Волги. Он видел там, как приведенных его казаками крестьян-зачинщиков по приказанию губернатора по роли, а после порки помещик устроил пир для губернатора и его чиновников²¹. Это зрелище произвело на Махина ужасное впечатление и вызвало чувство негодования. К тому же помещик плохо кормил казаков и расквартировал их в отвратительных помещениях... Более того, он высокомерно обращался с самим Махиным, давая ему разные нелепые указания и замечания. «Были моменты, – говорил мне Махин, – что я готов был исполосовать плетью морду этому ненасытному дворянину...».

Там же в период усмирения Махин решил после виденной порки ближе подойти к мужикам-бунтарям и поговорить с ними «по душам». От них он узнал причину крестьянских бунтов, которая была вызвана целым рядом невыносимых требований помещиков в отношении к крестьянам, особенно в период уборки хлеба на помещичьих полях. Помещик рабочий день оплачивал чрезвычайно низко. Когда крестьяне отказывались работать, то помещик обращался к губернатору и тот присылал из соседних городов солдат «на вольные работы», которые собирали хлеб бесплатно или почти бесплатно, т. к. за «вольную работу» солдат помещик вносил в полковую казну грош с человека. И из этой ничтожной оплаты половина шла в так называемые хозяйственные суммы. В конце концов, солдат работал на помещика даром, радуясь только отдыхом от лагерной муштры. Далее в виду того, что усадьбы помещиков были по существу гнездами пауков, опутывавших разбросанные участки крестьянских земель своими полосами лесов, лугов, своими дорогами, своими прудами, мельницами и прочим, то крестьянин жить без «потрав», без «лесных порубок», без неоплаченного сбора грибов и ягод не мог. Все это вызывало постоянные недоразумения с помещиками, не говоря уже о том, что крестьяне продолжали выплачивать в казну «откуп» еще со дня освобождения от крепостной зависимости... Так вражда между крестьянами и помещиками все более и более нарастала и, когда мужику становилось не в мочь, он поднимался и «пускал красного петуха...».

Об этой его экспедиции усмирения мне Махин рассказывал с чрезвычайным волнением. Он занимался усмирением, будучи хорунжим 21 года и, что для него было мучительным воспоминанием, это то, что за эту службу царскую «в изъятие закона», как за особый подвиг, был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.²²... «С этого времени, т. е. с 1905 года, в моей душе произошел переворот. Я почувствовал, – говорил Махин, – что так продолжать жить в России нельзя. Но как, я не понимал, не знал и стал искать ответа в книгах и у людей более меня образованных. Будучи уже в Академии Генерального штаба, я стал революционером в душе...».

Махин мне никогда не говорил, примыкал ли он к каким-либо политическим партиям. До революции он самым честным образом нес царскую службу. На Юго-

Западном фронте в период керенщины я знал только то, что Федор Евдокимович был сторонником Учредительного собрания.

17-го января, на другой день после сдачи мной должности выбранному украинской фронтовой радой штаб[с]-ротмистру Кудре, заехал ко мне на квартиру полковник Махин. Он был в штатском платье и, как всегда, в самом прекрасном настроении духа, как будто на фронте не было ни большевистских безобразий, ни украинских выступлений, ни разбоев, ни разбивания винокуренных заводов и хаоса самочинной демобилизации... «Ну вот, Петр Семенович, почитайте приказ “Головного Отамана Юго-Западному фронту”», – сказал Махин, весело улыбаясь.

Я пробежал глазами этот документ. Кудря объявлял о своем вступлении в командование как избранный фронтовой радой на пост главнокомандующего Юго-Западным фронтом (головного отамана). Обращаясь к украинцам, он выражал уверенность, что подчиненные ему армии фронта отстоят «Вільну Україну» и, самое главное, что теперь, когда ушел старый «контрреволюционный» штаб с его генералами, украинцы смогут установить добрососедские отношения с большевистской властью.

«Ну что? Красота! Этот прохвост Кудря и дурак, и подлец!», – сказал Махин и дальше нарисовал картину деятельности украинцев на фронте. Они, как дети, захлебываются от радости своей полноты власти и, как природные изменники, изыскивают способы по их методу, что не «тот казак, що победиу, а той що выкрутиуся. Вот теперь они виляют хвостом пред большевистскими делегатами на фронте. Между тем, у них нет ни одного человека, понимающего их ужасное положение. Большевики, самое большее чрез дней десять, займут и Киев, и Бердичев...».

В этот день Федор Евдокимович обещал мне, что как только он почувствует, что больше нам оставаться в Бердичеве нельзя, то он заедет ко мне, чтобы нам уехать в Житомир, где теперь он ведет подготовку организации дальнейшего нашего следования... Между прочим, он отметил, что его шофер верный ему человек и что в Житомире у него есть надежные люди.

Два солдата – два преданных друга

Тянулись томительные дни, полные тревоги и казались бесконечно длинными. Мы с женой продолжали жить у Райченко, который был очень обеспокоен, не зная, куда в более безопасное место отправить свою семью и укладывал все наиболее ценное, чтобы хорошенько спрятать. Уложили наш багаж и мы, причем мои верные ординарцы Вакуленко^а и Молостов заботливо принимали во всем участие. Они посоветовали мне заменить мою офицерскую каракулевою папаху солдатской, каковую и принесли мне.

Мою шинель хорошего покроя предложили бросить, и вместе с ней, по выражению Вакуленко, дали «подходящую» солдатскую и даже предусмотрели, что моя «аглицкая» трубка не подходит. Молостов мне дал свою мужицкую с налетом махорки. Я примерил новое одеяние и они смотрели на меня несколько смущенно, вероятно, видя, что этот мой наряд не очень менял мою наружность.

^а В тексте ошибочно: Коваленко.

Конечно, все эти мероприятия были полезны, чтобы не обращать на себя внимание «товарищей», но они не могли спасти от опытного глаза какого-либо большевистского комиссара. С моей же стороны было детской наивностью то, что не имея за собой опыта конспирации, я просил начальника инженерной бригады выдать мне удостоверение техника инженерной рабочей дружины, сохранив мое имя, отчество и фамилию^а. Слово «техник» и «рабочий дружины», быть может, звучало не плохо, но фамилия Махров уже значилась в числе лиц, объявленных «вне закона».

И Вакуленко и Молостов, подлежащие давно демобилизации, категорически заявили мне, что они уедут домой только тогда, когда уеду я. Молостов же меня убеждал, чтобы я ехал с ним в Архангельскую губернию, где он и наметил уже род занятий для меня. «Ваше превосходительство^б эту военную канительщину бросайте, – говорил он мне, – вас мы устроим директором лесопильного завода, квартира будет хорошая, в лесу для души покой, оленина, да рыбка двинская и оклад хороший, и я знаю, что вы любите будете там всем, да и дело хорошо наладите...». Вакуленко тоже строил планы о переезде моем в Тургайскую область, соблазняя меня и хорошим климатом, и богатством страны, и раздольем жизни. А насчет дела там для меня он говорил: «Хватит».

Мы с женой слушали разговоры этих двух простых русских людей, с русской прекрасной душой, и нам в это ужасное время безумия солдатчины они казались святыми. Где вы теперь, Вакуленко и Молостов? Живы ли вы? Вспоминаете ли когда-либо обо мне, уже убеленном сединами? А я всегда вспоминал о вас и в Добровольческой армии, и в Константинополе, и в Софии, и в Белграде, и в Вене, и в Варшаве, и в Данциге, и в Лондоне, и в Париже, и вспоминаю вас сейчас в Каннах на берегу лазурного моря, когда пишу эти строки. Вспоминая вас двоих, я готов забыть все злодеяния, причиненные мне и моим родным русскими людьми в дни лихолетия в России...

Отъезд из Бердичева в Житомир

25 января Киев был занят большевиками. Были сведения о страшных зверствах победителей, было убито много офицеров, бежавших с фронта в Киев.

30-го января большевики овладели Коростенем. Остаться в Бердичеве было нельзя.

Федор Евдокимович Махин предупредил меня, чтобы мы были готовы к 12 часам дня к отъезду в Житомир. Ровно в 12 часов дня у нашего подъезда раздался гудок автомобиля. Вошел Махин, раскрасневшийся от свежей погоды, веселый, с улыбкой во весь рот, как будто мы едем на свадебный пир. Нас окружила семья Райченко, мои верные друзья Вакуленко, Молостов и мой денщик Трофим Горбачев, который на этот раз не мог следовать со мной.

^а См. удостоверение начальника 21[-й] инженерной рабочей бригады от 28 января 1918 г. № 1233 (Прим. П.С. Махрова).

^б До последнего дня ни Вакуленко, ни Молостов, никогда меня не называли: «Г[осподи] н генерал» (Прим. П.С. Махрова).

По русскому обычаю мы все присели, а потом, встав, перекрестились и попрощались со всеми, кого покидали. Сели в большой автомобиль и покатались... Оглянулись – нам махали руками нас проводившие...

Когда мы приехали в Житомир, было уже темно. Город был переполнен. На улицах толпились отряды украинцев, гайдамаки с оселедцами, беглецы из Киева со своим жалким багажом и стройными колоннами в образцовом порядке проходили польские уланы. Как безумные носились на штабных автомобилях украинские комиссары и члены фронтовой рады. Попытка наша найти комнату в гостинице не имела успеха. Все было занято, переполнено польскими и украинскими офицерами и другими лицами, приехавшими раньше нас.

Я с женой направился в штаб Чехословацкой дивизии, в которой начальником штаба был подполковник Дорман, а его жена Вера Никанорова была подругой жены моей по Минской гимназии. Она успела с дочерью, 8-летней девочкой, уехать из Киева к мужу своему в Житомир, где могла себя чувствовать спокойно под охраной чехов. Они смогли мою жену приютить, но для меня не было места. Однако Дорман дал мне адрес генерала Павла Анисимовича Маркодеева²³, моего приятеля и товарища по академии. Он был на фронте командиром одного из корпусов, но своевременно уехал в Житомир, где и устроился у одного отставного зажиточного чиновника в большой уютной комнате. Там он и приютил меня.

Житомир. Встреча с друзьями и прощание пред отъездом в неизвестность

31-го января я встал очень рано. Со слов моей матери я знал, что когда мне было шесть месяцев, в сентябре и до весны 1878 года, мой отец с матерью жили в Житомире, и мне очень хотелось осмотреть его. Выйдя на улицу, я был поражен тем, что там делалось. Казалось, весь город был в смятении, все куда-то озабоченно торопились, что-то несли, везли. Улицы были заполнены солдатами. Колонны польских войск двигались на север. Разбойничьи рожи украинских гайдамаков носились по городу в разные концы. Торговцы-евреи куда-то на салазках тащили ящики. Женщины, укутав деток, пугливо оглядывались и куда-то их вели... Наконец, пробившись чрез толпу, повозки и толпы людей, я вышел на набережную р. Тетерева, который с шумом нес свои чистые, как кристалл, воды, к югу, а к востоку поднимались холмы, которые к северу образовывали нечто вроде ущелья, откуда виднелся Тетерев с берегами, поросшими деревьями. Какая красота!

Я сел на лавочку набережной и не отрывал глаз от панорамы, слушая, как ворчала добродушно река. Я в то время забыл и большевиков, и вильну Украину, и ту опасность, которой подвергались мы с женой. И что самое удивительное: мне казалось, что все это мне знакомо, что это я уже видел, и мне так хотелось остаться здесь надолго, если не навсегда...

Но, точно очнувшись от прекрасного сна, я вспомнил об отвратительной действительности, надо было торопиться, ознакомиться с обстановкой и принимать решение. Нельзя было сидеть и ждать у моря погоды, которое бушевало все сильнее и сильнее. Никто в это время не был так хорошо осведомлен об обстановке, как начальник штаба Чехословацкой дивизии подполковник Дорман, и я направился к нему.

Кого только не было в толпе у входа в его штаб, ожидая очереди быть принятыми. Здесь я видел и генералов, и офицеров, и сановников, и чиновников, и

частных лиц. Здесь толпились: русские и поляки, поляки и украинцы, украинцы и евреи, т. к. пронесся слух, что Бердичев занят, и большевики творят зверства.

Около 5 часов вечера мне Дорман сказал, что паника не отвечает действительности, но все же мне советовал скорее уехать. Я отправился к моему приятелю генералу Владимиру Петровичу Бреслеру²⁴, занимавшему должность начальника снабжений фронта^а. У него я застал ген[ерала] Маркодеева. Все мы одновременно были слушателями курса в Академии Генерального штаба и подружились в Петербурге. Маркодеев на другой день собирался уехать и советовал Бреслеру и мне не откладывать отъезда, т. к., по его сведениям, нам грозила большая опасность.

Мы сидели, беседуя на злобу дня, и шутили, попивая шампанское, любезно предложенное Бреслером и его очаровательной женой Еленой Николаевной, рожденной Кальницкой. Хозяйка была светская, веселая женщина, которая сводила с ума многих из офицеров – слушателей академии. Мы с Маркодеевым бывали часто в Петербурге в ее милом обществе.

Бреслер и особенно его жена, помещица Полтавской губ., были богатые и гостеприимные люди. Их имение Чернуха славилось во всей Полтавской губ. как наиболее благоустроенное. Теперь, выпивая вторую бутылку шампанского, мы вспоминали счастливые дни доброго старого времени, но Бреслер был очень озабочен не только опасностью своего положения, но и тем, как спасти свои богатства. Он торопился уехать и изыскивал способы, как скорее добраться до своего полтавского имения.

Мы с Маркодеевым были в более благоприятных условиях, так как не были обременены ни имениями, ни домами, ни набитыми драгоценностями сундуками. Вскоре к Бреслеру пришел бывший начальник организаций Красного Креста в 8-й армии обрусевший француз Андро со своей красавицей-женой полькой, женщиной обаятельной и тонкого ума. Она так же, как и жена Бреслера, была сестрой милосердия в одном из полевых госпиталей на фронте. Сам Андро в мирное время занимал видное место в Житомире. Если не ошибаюсь, кажется, был вольным вице-губернатором и был известен, как хороший администратор, организатор и как вообще делец с авантюристической складкой. Он был богат и тоже обдумывал, как сохранить свое имущество и особенно объемистую шкатулку с драгоценностями своей жены. Она дала своему мужу идею отправиться к подп[олковнику] Дорману и просить его, чтобы он эту шкатулку и еще кое-что сдал бы на хранение в денежный ящик штаба дивизии.

Было около 7 часов вечера, и мы все направились на квартиру к Дорману, где жила и моя жена. Маркодеев и я хотели получить от него последние сведения об общей обстановке. По пути к нам присоединился инспектор артиллерии Юго-Западного фронта генерал Глинский²⁵.

^а Он занял эту должность еще во второй половине ноября 1917 г. после генерала Федора Евлампиевича Огородникова, который, как человек большого ума, раньше всех разобрался в обстановке и покинул свою должность (Прим. П.С. Махрова). Огородников Федор Евлампиевич (1867–1939) – генерал-лейтенант, начальник снабжений армий Юго-Западного фронта (Прим. публикатора).

Люди, преданные идее Учредительного собрания

Здесь место сделать маленькое отступление и возвратиться назад к событиям после бегства с фронта достойных сотрудников Керенского²⁶ – комиссаров Юго-Западного фронта Иорданского²⁷, Костицина²⁸ и им подобных.

В первой трети ноября они незаметно вдруг исчезли... На фронте их уж не было видно носящимися на автомобилях по делам формирования каких-то войсковых частей со страшными названиями, но совершенно безобидными для боевого назначения. Однако мне было известно, что какие-то батальоны продолжает создавать бывший председатель комиссии по выборам в Учредительное собрание на Юго-Западном фронте прапорщик Герман.

Иван Яковлевич Герман был идеалист и оптимист с большой волей и настойчивостью. Глубоко преданный идее Учредительного собрания, он не испугался 25 октября и считал своим долгом продолжить борьбу с узурпаторами власти. Он сблизился с Генерального штаба полковником Федором Евдокимовичем Махиным, бывшим начальником службы связи штаба Юго-Зап[адного] фронта и нашел в нем драгоценного сотрудника.

Махин вполне разделял идею Германа, т. е. борьбу за Учредительное собрание, и записался в партию социалистов-революционеров, что, однако, держал в тайне. Оба они считали, что для борьбы нужно создать хорошо организованную, хотя бы небольшую армию, но состоящую из людей, верных идее Учредительного собрания. Таковых они видели главным образом в лице партийцев социал-революционеров.

Как-то в середине ноября Махин зашел ко мне в штаб и поделился со мной их планом создания «Народной армии Учредительного собрания». Они намечали своей базой район Ставрополя, куда и решили, пользуясь стихийной демобилизацией, отправлять оружие и всякого рода снабжение. Он же мне предложил стать во главе будущей армии и принять теперь же активное участие в их деятельности. Я от этого отказался, не потому, чтобы не сочувствовал идее Учредительного собрания, а потому, что скептически относился к социал-революционерам, выявившим свое лицо в керенщине.

Идея же их создать армию из верных партийцев социал-революционеров казалась мне плодом необузданной фантазии, что я и высказал с полной откровенностью Махину. Я знал, что офицеры, испытавшие на себе глумление над ними комиссаров Керенского, видевшие, как социалисты-революционеры отнеслись к Корнилову²⁹ и Деникину³⁰, в эту армию не пойдут.

После разгона Учредительного собрания Герман уехал в Житомир, где и поместил свое управление в Римской гостинице, продолжая организацию отрядов для защиты Учредительного собрания. В Житомире он вошел в контакт с начальником снабжений фронта генералом Бреслером и инспектором артиллерии генералом Глинским. Ко времени моего приезда с Махиным в Житомир, т. е. 30 января 1917 года, Герман располагал остатками Самурского пех[отного] полка и двумя организованными им батальонами. Один назывался «батальон смерти», другой – «батальон свободы, равенства и братства». Самурским полком командовал полковник Акчеев, «батальоном смерти» – ротмистр Попов, а батальоном «Свободы, равенства и братства» ротмистр Лодыжинский. Кроме того, был еще

какой-то «революционный» Лысонский баталион под командой не то капитана, не то подполковника Х (фамилия точно мне не была известна).

Неожиданный отъезд из Житомира

31-го января после встречи в 5 ч[асов] вечера с ген[ералом] Бреслером и Андро мы все с их женами отправились на квартиру к начальнику штаба Чехословацкой пех[отной]^а дивизии подполковнику Дорману. У каждого из них было свое дело. Все же, главным образом, хотели знать, возможно ли уехать из Житомира и как скоро. Было около 7 часов вечера, как к штабу подкатил автомобиль с подполковником Махиным и присяжным поверенным Германом. Войдя к Дорману, они сообщили, что приехали за мной, ген[ералом] Бреслером и ген[ералом] Глинским и просили нас, не теряя времени, отправляться на вокзал, где уже стоял эшелон Самурского пех[отного] полка, подлежащий следованию в Ставрополь по демобилизации.

Я был готов к отправке, будучи одетым, как солдат. Мне оставалось только взять на плечи мой солдатский мешок, куда моя жена спешно укладывала самые необходимые вещи. Это было не так просто, т. к. они должны были соответствовать моему положению солдата. А почти каждый предмет, начиная с белья, выдавал меня с головой. Вдруг я вспомнил, что у меня в кармане был серебряный портсигар с золотой монограммой. Я им очень дорожил. Он мне был преподнесен моими сослуживцами в штабе 8-й армии в день моего отъезда в морскую крепость Петра I. На нем было выгравирована следующая надпись:

«Вне очереди. Оперативная.

31 августа 1916 г. 18 ч. 15 м.

Из Луцка полковнику Махрову

Сердечно желаем дорогому Петру Семеновичу безостановочно наступать [в] служебной полосе, не залегая пред проволочными заграждениями. 03908

Стогов, Кусонский³¹, Румянцев³², Овчинников³³, Махин».

Эта надпись в форме шутливо сердечной телеграммы, в стиле которой шли они из моего оперативного отделения штаба 8-й армии, теперь могла оказаться чрезвычайно опасной не только для меня, но и для моей жены. Я передал этот портсигар Дорману для хранения в денежном ящике в штабе Чехословацкой дивизии^б. Простившись с женой и с семьей Дормана, я взвалил мой солдатский мешок на спину и отправился на вокзал.

На вокзал немного позже прибыл ген[ерал] Бреслер тоже в солдатском обмундировании и с удостоверением унтер-офицера Самурского полка. Для конспирации меня направили в один из товарных вагонов (в теплушку), где помещались пулеметчики. Ко мне подошел молодой симпатичный офицер в полушубке, представился прапорщиком и сказал: «Позвольте ваш мешок». Я протестовал, ответив, что он легок, но офицер взял его со словами: «Нет, это более приличеству-

^а Так в тексте. Правильно: стрелковой.

^б Через 6 месяцев мне этот портсигар вручил в Полтаве Генер[ального] штаба капитан Никитин от имени Дормана, который с Чехословацкой дивизией ехал в направлении на Владивосток. Я и доньше храню эту реликвию, дорогую для меня по воспоминаниям о моих сослуживцах (Прим. П.С. Махрова).

юще» и понес. У вагона он окликнул: «Михайлов, примите к вам пулеметчика». К дверям подошел высокий, широкоплечий с рыжими усами солдат, как я узнал потом, фельдфебель, протянул мне руку и помог подняться в вагон.

В вагоне по обе стороны были настланы нары, покрытие соломой. Посредине вагона стояла большая чугунная печь, в которой трещали дрова, а на печи грелся чайник, что создавало уют в полутьме вагона. Кроме фельдфебеля Михайлова там было еще четыре солдата. Один из них взял мой мешок и положил его на нары против печи, сказав: «Вам здесь будет теплее...».

В головном вагоне вслед за паровозом поместились Герман с женой, которая была одета в костюм сестры милосердия, ген[ерал] Бреслер, полк[овник] Махин, начальник эшелона, кажется, полк[овник] Акчеев и ротмистр Попов. Их вагон был оборудован с некоторым комфортом и все они имели денщиков. Устроившись в своем вагоне, я лег спать. Мой сосед, уступивший мне свое место против печки, с заботливостью спросил меня, довольно ли соломы, не твердо ли мне на нарах и не дует ли от стенки...

В поезде. Его состав и опасности в пути

Я долго не мог заснуть. В моей голове текли мысли самые разнообразные без логической связи. То я вспоминал, как 17-летним мальчиком, будучи вольноопределяющимся, спал на нарах в казарме, а вот судьбе угодно, что, став генералом, я опять в солдатской шинели валяюсь на нарах и не испытываю в этом лишения, то вспоминал о жене, о своей дочурке 8 лет, то думал, что же дальше будет с Россией и так без конца, а потом заснул под монотонное выстукивание созвучий колесами вагона на рельсах. Наше путешествие было благополучно до ст[анции] Коростень.

Здесь поезд был оцеплен красногвардейцами, командир хотел проверить документы и раздавались крики: «Кто “фицера”, выводи!». Однако обитатели нашего эшелона успели отделаться благополучно, и поезд был направлен на Гомель. В Гомеле произошли более серьезные затруднения. Красногвардеец комендант станции задержал поезд, отказавшись его отправить далее без разрешения из Москвы. Дело чуть не дошло до вооруженного столкновения. Красный комендант вызвал роту солдат около 200 человек. Начальник нашего эшелона по распоряжению Германа поставил своих пулеметчиков в полную готовность для действий.

Надо заметить, что эшелон нашего поезда, в котором следовал «революционный» Лысонский батальон, состоял из 113–120 человек, главным образом из партийцев-революционеров, верных Герману, и частично из лиц, пользовавшихся случаем, чтобы уехать с фронта домой.

В поезде же было 32 вагона, нагруженные снарядами, пулеметами, лошадьми, сбруей, полушубками, разными предметами снабжения и 2-мя полевыми орудиями. Такой состав поезда вполне имел вид войсковой части, перевозимой для демобилизации на свою базу. Дело кончилось без кровопролития, наш поезд направлен на Бахмач. В Бахмаче опять наш эшелон был задержан, искали офицеров. Один из большевистских комиссаров высокого роста красавец-солдат с красной повязкой на рукаве подошел к вагону, в котором я ехал и спросил: «Кто здесь офицеры? Выходи!». Нас было 6 человек, один я с подложным удостоверением техника 110 рабочей дружины, что не соответствовало пассажиру Самурского пех[отного]

полка. Он оглядел нас всех своими пронизательными глазами, умными и серьезными, но, не спросив документов, прошел дальше. У меня стало легче на душе.

На станции стояло еще два эшелона с войсковыми частями красноармейцев, как я узнал, направлявшихся в Бессарабию против румын. Солдаты были хорошо одеты и производили впечатление дисциплинированных войск. На станции Бахмач всем руководил тот же комиссар, выделявшийся своим ростом и обращавший на себя внимание выправкой, корректностью и чистотой обмундирования. В буфете на вокзале можно было достать все, чтобы хорошо поесть и даже выпить рюмку водки. Там толпилось много разного рода люду, но преобладала серая масса людей в солдатском одеянии. Многие, как и я, несколько дней не брились и не умывались, были с грязными ногтями, наивно надеясь этим скрыть свое действительное положение.

Спутники и их отношение ко мне

Из Бахмача наш поезд, не потерпев никаких неприятностей, был направлен на Полтаву, чему я очень обрадовался, т. к. в Полтаве я мог сойти, чтобы поселиться в доме родных моей жены. Во время путешествия я ближе познакомился с моими спутниками. Фельдфебель Михайлов и его четыре солдата оказались очень симпатичными и деликатными людьми. Никто из них ни разу не спросил меня, кто я. Все они были очень ко мне внимательны, вежливы и предупредительны. Особенно один из них, который сразу мне уступил свое место «против печки», чтобы мне теплей было. Когда на какой-либо станции я хотел сойти, дабы купить хлеба, сала, яиц или чего-либо вообще съестного, он не позволял мне этого делать. Все такие хлопоты он брал на себя. Он же кипятил чайник и приготавливал на чугунной печи несложную еду... На пути к Полтаве на всех станциях неизменно красногвардейцы спрашивали офицеров, но таковых им не удалось обнаружить. Для меня было совершенно непонятно, что никто из красногвардейской комендантуры не тронул офицеров – начальника эшелона и его помощника. Правда, они были одеты солдатами и даже командир Лысонского «рев[олюционнного] баталиона» полковник Акчеев носил на груди солдатский Георгиевский крест с золотой дубовой веткой³⁴, жаловавшийся солдатскими Георгиевскими думами на основании приказа Вр[еменного] правительства. Мне говорил ротмистр Попов, что Акчеев был очень ловкий авантюрист и умевший разговаривать с красногвардейцами. Он в мирное время был земским начальником. За ним числились темные дела, но он сумел выйти сухим из воды...

Прибытие в Полтаву. Встреча в родительском доме

Когда наш поезд подошел к ст[анции] Полтава-Киевская, на дворе темнело. Мои спутники вдруг предупредили меня, чтобы я из вагона не выходил, пока они не сделают разведки на станции. Я понял теперь, что они были осведомлены, кто был я в действительности.

Прошло минут 5, для меня казавшихся целым часом, как возвратились мои доброжелатели и заявили, что чрез вокзал идти нельзя, т. к. он занят красногвардейцами, контролирующими всех приехавших.

Решено было, что мой мешок с вещами возьмет мой спутник молодой солдат, проявлявший столько внимания ко мне в дороге, а другой мне укажет место, где я, по выражению фельдфебеля Михайлова, должен буду «сигануть» через забор, чтобы миновать проход чрез вокзал. Мы отправились к станционной ограде. Стемнело. Операция прошла благоприятно. Очутившись на другой стороне забора, я увидел бегущего ко мне солдата, несшего мой вещевого мешок, и мы пошли на площадь, где стояли извозчики. Мой провожатый положил мой багаж в сани «фурки», как в Полтаве называли извозчиков. Я протянул ему руку, и другой, обняв, поцеловал в щеку. «Счастливого пути, Ваше Превосходительство, – сказал он. – Ведь я вам шинель в штабе подавал...». «Фурка» тронулся, зазвенели бубенчики, сани заскрипели по снегу.

Чрез минут двадцать я подъехал к дому на Сенной площади, где жил мой тесть со своей семьей и моей 8-милетней дочерью. Я позвонил. Мне открыла дверь горничная, миловидная хохлушка Настя, которую я давно знал. Увидев пред собой солдата с мешком за плечами, она с недоумением смотрела на меня. «Что, Настя, не узнали меня?», – сказал я. Она быстро побежала по ступенькам к двери передней и во все горло закричала: «Генерал приехал...». «Кто?» – раздался голос моего тестя из другой комнаты.

Я вошел в темную переднюю, куда со свечами в руках явились все обитатели дома. Бросив мой мешок на пол, я стал обнимать всех. Щеки мои омочила слезами моя теща, женщина очень добрая и сентиментальная, а моя 8-летняя дочь стояла в стороне, как волчонок, стесняясь подойти к отцу, с которым она долго не виделась. Когда же я нагнулся и поцеловал ее, она расплакалась...

Я снял шинель, оставаясь в ватной стеганной солдатской куртке. Небритый и не умывавшийся в течение 6 дней, я, конечно, имел далеко не генеральский вид.

«Пожалуйте в столовую, Петр Семенович! – пригласил меня мой тесть Адам Иванович³⁵. – Жизнь у нас теперь стала скотская. Как видите, нет электричества, ни керосину, на весь дом три свечи, да плошки на подсолнечном масле жгем. Холод стоит, вот все мы в пальто, в чем, кто горазд, сидим дома...». Мы все перешли в полутемную большую столовую, сели за стол, где меня продолжила осведомлять о «скотской жизни» моя теща и моя *belle soeur*^a, очаровательная барышня 19 лет Наташа. А в это время горничная Настя «мучилась» с самоваром, разжигая угли бумагой, т. к. не было щепок. В столовую стал проникать дым...

Наконец, на столе появился большой самовар, который за собой принес долю тепла и уюта. По случаю моего приезда решено было зажечь вторую свечу... На столе подали хлеб и остатки от обеда, который мы все ели с аппетитом, кроме моего тестя, имевшего обыкновение на ночь ничего не есть, чтобы хорошо спать. Все оживились, забросали меня вопросами о моей жене, о том, как я доехал, что я думаю о грядущих событиях.

Полтава под властью Керенского, украинцев и большевиков

Из нашей беседы я выяснил, что в середине января 1918 г. большевики захватили оба вокзала: Киевский и Харьковский, разбили украинцев, которые постепенно бежали, и овладели Полтавой. Вступив в город, они поместили свой штаб

^a Свояченица, сестра жены (франц.).

в здании духовной семинарии и заняли своими войсками все правительственные учреждения. На другой день издали приказ о сдаче оружия и сохранении порядка в городе. Первое время управление в городе было оставлено в руках городской думы под контролем большевистских комиссаров, и жизнь не вызвала никаких особых осложнений, кроме вселения в квартиры разных большевистских служащих. Однако с появлением большевиков стали исчезать продукты питания, а потом начались затруднения в выпечке хлеба, прекратилась доставка дров и пр[очего]. Начались по ночам обыски, причем искали пулеметы и оружие в зеркальных шкафах, письменных столах, дамских туалетных шкатулках и в сундуках. Конечно, все драгоценности, белье, меха и прочие носильные вещи, как «награбленные у народа», грабились особыми комиссарами, в числе которых главную роль играли евреи. Имя одного такого комиссара-еврея хорошо было известно всей Полтаве. Это был недоучившийся студент, дегенерат, паршивый 20-летний жиденок Сметанич, специалист в умении находить вместо пулеметов брильянты и золото. Каждую ночь, ложась спать, жители зажиточных домов дрожали при шуме проезжавшего автомобиля, ожидая, что вот-вот раздастся стук и ворвется какой-либо Сметанич искать пулеметов...

Искали и контрреволюционеров. Один добрый знакомый семьи моего тестя молодой помещик Леонид Николаевич Кривцов, бежавший из своего имения Мишевки (в 50 верстах от Полтавы), как зверь, вот уже трети месяц скрывался в Полтаве. Интересно отметить, что он был «народник». Будучи студентом в Московском университете, за свою горячность в проповеди «служения народу», он не раз сживал в тюрьме, в Бутырьках. Потом в имении своем сам обрабатывал землю вместе с наемными рабочими. Опростившись, он женился на крестьянке, очень хорошей женщине Елизавете, от которой имел сына. В петлюровское царствование украинцы сожгли его имение. Он поселился в городе, но здесь большевики объявили его контрреволюционером, «врагом народа» и всюду его искали. Он по ночам часто ночевал где-либо в саду, где-нибудь в сараях, а днем приходил к кому-либо из друзей, чтобы поесть и обогреться. Он заходил и в семью моего тестя, но заглянуть к себе на квартиру, где жила преданная ему жена-крестьянка, он не мог, т. к. она была под постоянным наблюдением большевиков и ее мучили бесконечными допросами, желая узнать, где он^а...

^а Я лично знал Леонида Николаевича Кривцова и всю его семью. Отец Леонида Николаевича Николай Васильевич был зажиточный помещик, владевший двумя имениями, одним – Машевка, Полтавской губернии, другим в Курской. Он был великорос, типичный барин-крепостник, суровый и гордый, требовавший от крестьян не только работы, но и снятия пред ним шапки. Жена его, Анна Владимировна, рожденная Медер, дочь известного своей строгостью киевского коменданта, в противовес своему мужу отличалась сердечностью и добротой. На ее долю выпала роль быть посредницей между строптивым мужем и крестьянами, рабочими, отлично сознававшими, что уж давно минули дни крепостной неволи. У них было 11 человек детей, из коих ко дню революции осталось в живых только 6. Три сына и три дочери. Два сына служили офицерами в армии, а третий, Леонид, занимался сельским хозяйством, помогая своему 75-летнему отцу. Дочери, окончившие полтавский институт, повыходили замуж за разночинцев, чего гордый дворянин-отец не мог им простить и не желал их видеть.

«Эх, было времячко, Петр Семенович, – сказал мой тесть, 75-летний старик. – Когда в 1908 году, выйдя в отставку, я поселился в Полтаве, здесь был рай земной. Какое было богатство! Живи да не умирай! А жизнь – тихая, мирная и полная красоты и поэзии в благорастворении воздушных... Бывал я и на хуторах, окруженных вишневыми садами, где стояли обширные хаты, белые как снег, где в тихие вечера раздавались веселые песни, где меня радушно принимали хохлы-мужики, хвалясь своей “худобой”, всевозможной птицей, свиньями, поросятами и полями, засеянными пшеницей, где жужжали пчелы на пасеках... Все было – арбузами свиней кормили; помидоры и огурцы продавали мерой на возы...

Все было... Пришел к власти Керенский, выгнал очень хорошего губернатора³⁶ с его исправниками и урядниками, посадил на их место прохвостов, освобожденных из ссылок, и пошла писать губерния... Загорелись помещичьи усадьбы... В городе начались установления свобод. Поднялась чернь на Кобещанок (часть города у Киевского вокзала, населенная всевозможными лентяями и пропойцами). Из них новая власть на вербовала народную милицию. Керенский приказал

Леонида Николаевича он всегда бранил за вольнодумство, когда он учился в университете, а когда он женился на «дворовой девке», то с ним почти не разговаривал и, если он его не выгнал из имения, то только благодаря защите матери Анны Владимировны.

Окрестные крестьяне терпеть не могли Николая Васильевича Кривцова и сожгли его полтавское имение Машевку. После этого Н.В. Кривцов снял квартиру в Полтаве и поселился там. Теперь это был высокий, сутуловатый, угрюмый старик 75 лет, без средств, для которого окружающая его действительность казалась кошмарным сном. Он недолго прожил в Полтаве. Месяца через два сошел в могилу.

Леонид Кривцов долго скрывался в Полтаве, что ему было нелегко. Будучи хромым от рождения, он прихрамывал и был замечен. Летом 1919 года все же ему удалось с женой и 10-летним сыном бежать в Крым.

В 1920 году, когда я был начальником штаба армии генерала Врангеля, он приехал ко мне в Севастополь, прося помочь ему денежной ссудой, чтобы заняться на табачной плантации где-то в окрестностях Ялты.

Я ему помог. После эвакуации Крыма Леонид Кривцов был схвачен большевиками. Они ему выкололи глаза и утопили в пруде. Его жена-крестьянка Елизавета, похоронив мужа, с сыном возвратились в Полтаву, поселились с матерью Леонида Кривцова Анной Владимировной, которая очень любила своего внука, и заботилась о ней до дня ее смерти в 1915 году.

Старший сын Кривцова Николай, женившийся на француженке-парижанке кафешантанной певице Виктории, очень красивой и хорошей женщине, был проклят отцом, который не желал видеть ни своего сына, ни его жены. Во время большевиков в Харькове эта француженка, давая уроки французского языка, содержала своего мужа и спасала его от ареста. Он умер в 1922 году, и жена его не пожелала спастись и уехать во Францию, продолжала учительствовать в Харькове.

Младший сын Кривцова Евгений, получив Георгиевский крест за первые бои в Галиции в 1914 году, вскоре погиб смертью славных на поле брани.

Так на моих глазах угасло это дворянское гнездо, в котором только отец-крепостник не поддался новым веяниям века, которые он называл «отрицательными доктринами» (Прим. П.С. Махрова).

Кривцов Евгений Николаевич (1885–1915) – подпоручик 274-го пехотного Изюмского полка, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1916), убит в бою у дер. Грондзаки (ныне – Подляское воеводство Польши), тело оставлено на поле боя не погребенным (Прим. публикатора).

открыть тюрьмы. Были выпущены воры, мошенники, грабители и тому подобные “угнетенные” царским режимом. В городе начались воровство, грабеж, пьянство, разбой. Женщины боялись выходить на улицу, чтобы днем не быть оскорбленными, а в темноте и ограбленными.

Однако, несмотря на воровство революционной администрации, несмотря на бесхозяйственность керенщины, несмотря на безобразия, начавшиеся в деревнях, где началось уничтожение российских богатств, Малороссия имела столь[ко] накопленного веками добра, что мы не чувствовали ни в чем нужды.

Когда же на смену керенщине пришла “Вильна Украина”, то деятельность Рады и местных властей нельзя было иначе назвать, как комедианством. Всевозможные “отаманы”, “комиссары”, “гайдамаки”, петлюровское войско, даже после керенщины, были смехотворны по своей пошлости и глупости, но грабежами и воровством и взяточничеством они превзошли всякую “революционную совесть” Керенского. И все же даже при этой жизни, напоминавшей дом умалишенных, мы еще не испытывали лишений. Никто не придавал серьезного значения и не верил в возможность существования самостоятельной Украины.

И свершилось! Пришли большевики... Вот видите, догорают свечи, драгоценные свечи, пора идти спать, господа!», – сказал мой тесть, закончив свой диалог, прорывавшийся репликами или дополнениями моей тещи и *belle soeur*...

«Спокойной ночи!». «Да, Петр Семенович, если у вас есть револьвер, отдайте его на всякий случай Насте. Она его спрячет», – добавил мой тесть. И мы разошлись по своим комнатам...

Итоги службы Родине

Так 5 февраля 1918 г. я очнулся в родительском доме моей жены в Полтаве. В этот день закончилась моя военная карьера в любимой мной Императорской армии и мои страдания, когда она умирала в конвульсиях в период керенщины и украинизации Юго-Западного фронта.

Прослужив безукоризненно Родине 25 лет, побывав в боях за Отечество в двух войнах (1904–1905 и 1914–18), дослужившись [до] чина генерала, имея за боевые отличия все награды до ордена Владимира 3 ст. и Георгиевское холодное оружие, получив три Высочайших благоволения «за отлично-усердную службу», я должен был, как преступник или мошенник, переодевшись солдатом, пробираться с фронта домой, чтобы не быть убитым как объявленный «вне закона». И кто это объявлял? Кучка каких-то прохвостов, никогда не служивших России, никогда не нюхавших пороху, всегда бывших ворами, мошенниками и «революционерами»... в лице жидовки Евгении Бош³⁷, Слонимской³⁸ и того же племени «супруги» верховного прапорщика Крыленки – Елены Розмирович^а.

^а Когда я сел в эшелон в Житомире, чтобы уехать в Полтаву, Елена Розмирович, командовавшая Кексгольмским полком, играла роль в распоряжении об аресте старших начальников: Бреслера, Глинского и Российского, меня и других (Прим. П.С. Махрова). В действительности Е.Ф. Розмирович происходила из бессарабских дворян. Розмирович Елена Федоровна (1886–1953) – революционерка, супруга Н.В. Крыленко, депутат Учредительного собрания от Юго-Западного фронта. Российский Евгений Александрович (1865–1933) – генерал-майор, командир бригады 3-й гренадерской дивизии.

Пред моей совестью я был спокоен.

Я честно выполнил мой долг пред Родиной. Судьба меня занесла на Украину, где с 6-го февраля 1918 года началась моя новая жизнь.

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 430–486. Автограф.

Примечания

¹ IV Универсал был провозглашен украинской Центральной Радой 9 (22 января 1918 г. и объявлял Украинскую Народную Республику независимым государством украинского народа.

² *Стогов Николай Николаевич* (1872–1959) – генерал-лейтенант, вр.и.д. главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

³ *Петин Николай Николаевич* (1876–1937) – полковник, и.д. помощника генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта.

⁴ *Кудря Федор Евдокимович* (1894–?) – штабс-капитан, член украинской партии эсеров, помощник украинского комиссара Юго-Западного фронта, революционный главнокомандующий Юго-Западного фронта (1918).

⁵ *Крыленко Николай Васильевич* (1885–1938) – большевик, прапорщик, советский Верховный главнокомандующий.

⁶ *Певный Петр* – прапорщик 1-го Украинского полка им. Богдана Хмельницкого, глава украинской фронтовой Рады Юго-Западного фронта, украинский комиссар Юго-Западного фронта. Сведения любезно предоставлены к.и.н. М.А. Ковальчуком (Киев).

⁷ *Капустянский Николай Александрович* (1879 (1881)–1969) – подполковник, впоследствии генерал-хорунжий армии Украинской народной республики. 25 декабря 1917 г. назначен С.В. Петлюрой и.д. начальника штаба 11-й армии. 30 января 1918 г. действительно занял пост начальника штаба фронта, в дальнейшем сделал карьеру в украинской армии. Подробнее см.: Ковальчук М. Генерал Микола Капустянский. К., 2006; Шандрівський І.Г. Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянского. Дисс.... к.и.н. Львів, 2003.

⁸ Н.А. Капустянский окончил Екатеринославскую духовную семинарию.

⁹ *Дорман Павел Евстигнеевич* (1884–1945) – подполковник, начальник штаба 1-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии.

¹⁰ *Коломенский Николай Петрович* (1874–1928) – генерал-майор, командующий 1-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизией.

¹¹ *Парис* – полковник, офицер французской военной миссии.

¹² Битва на Марне – крупное сражение на Западном фронте 5–12.09.1914 г., неудачно закончившееся для германских войск.

¹³ *Махин Федор Евдокимович* (1882–1945) – подполковник, и.д. начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

¹⁴ *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853–1926) – полководец, генерал от кавалерии, командующий 8-й армией (1914–1916).

¹⁵ Ф.Е. Махин родился в Иркутске.

¹⁶ Тогда – «Знак отличия военного ордена».

¹⁷ Эти данные неверны. Е.В. Махин был разжалован за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии в ночь с 22 на 23 декабря 1879 г.

¹⁸ *Скобелев Михаил Дмитриевич* (1843–1882) – полководец, генерал от инфантерии.

¹⁹ В действительности Е.В. Махин был восстановлен в правах в 1898 г. По данным на 1909 г., находился в отставке в чине вахмистра, награжден золотой шейной медалью «За усердие» на андреевской ленте.

²⁰ В действительности – в 1913 г.

²¹ В 1905–1907 гг. Ф.Е. Махин находился на службе в 7-м Оренбургском казачьем полку, действовавшем в Саратовской губернии, исполнял должность полкового казначея. 2-я полусотня 3-й сотни полка под командованием Махина некоторое время была расквартирована в селе Сластуха Аткарского уезда в частных домах. Казаков бесплатно содержал местный помещик.

²² В документе Св. Станислава 4-й ст., но такой степени ордена не существовало. Махин был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. в 1908 г. за отличия по службе. В том же году он получил чин сотника.

²³ *Маркодеев Павел Анисимович* (1878–не позднее 1931) – генерал-лейтенант, командующий VI армейским корпусом.

²⁴ *Бреслер Владимир Петрович* (1874–1945?) – генерал-майор, начальник снабжений армий Юго-Западного фронта.

²⁵ Возможно, *Глинский Николай Сергеевич* (1858–не позднее 1937) – генерал-лейтенант. По имеющимся данным, Н.С. Глинский занимал должность инспектора ополченских частей Юго-Западного фронта.

²⁶ *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) – министр-председатель Временного правительства (1917).

²⁷ *Иорданский (Негоров) Николай Иванович* (1876–1928) – комиссар Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта.

²⁸ *Костицын Владимир Александрович* (1883–1963) – социал-демократ, математик, астрофизик, помощник военного комиссара Юго-Западного фронта, заменял Н.И. Иорданского во время его отсутствия.

²⁹ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – генерал от инфантерии. Верховный главнокомандующий. Отчислен от должности с преданием суду за мятеж (29.08.1917). Арестован (2.09.1917). Содержался в Быкове. Освобожден (19.11.1917) и бежал на Дон. Один из лидеров Белого движения на Юге России.

³⁰ *Деникин Антон Иванович* (1872–1947) – генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (2–29.08.1917). За поддержку выступления генерала Л.Г. Корнилова отчислен от должности и арестован, содержался в Бердичевской и Быховской тюрьмах (29.08–19.11.1917). Бежал из Быховской тюрьмы на Дон. Один из лидеров Белого движения на Юге России.

³¹ *Кусонский Павел Алексеевич* (1880–1941) – подполковник, старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии.

³² *Румянцев Андрей Васильевич* (1886–1919) – капитан, помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии.

³³ *Овчинников* – штабс-капитан, офицер для поручений оперативного отделения штаба 8-й армии.

³⁴ Временное правительство в июне 1917 г. разрешило награждать Георгиевскими крестами офицеров по решению солдат. На лентах знаков укреплялись серебряные (для 4-й и 3-й степеней) или золотые (для 2-й и 1-й степеней) лавровые ветви.

³⁵ *Бафталовский Адам Иванович* (1850–?) – полковник в отставке, тесть П.С. Махрова.

³⁶ Последним полтавским губернатором (1915–1917) был действительный статский советник, болгарин по происхождению *Моллов Русчу Георгиевич* (1867–1925).

³⁷ В действительности Е.Б. Бош происходила из семьи немца-колониста. *Бош Евгения Богдановна* (1879–1925) – революционерка, первый руководитель Народного секретариата Украины (1917–1918), фактически глава украинского советского правительства.

³⁸ Слонимская – по свидетельству П.С. Махрова, депутат от РСДРП(б) в Бердичеве.